

УДК 167.4

НАУЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ИДЕАЛИЗАЦИИ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ АКТЕ

SCIENTIFIC PRINCIPLES AS A SPECIAL FORM OF IDEALIZATION IN COGNITIVE ACT

В.В. Трофимов V.V. Trofimov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: trofimov_v@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье выявляется взаимосвязь познавательного акта и научных принципов, обосновывается специфика выдвижения методологических принципов как особых идеализаций.

Resume. The article reveals the relationship of the cognitive act and scientific principles, grounded extension specifics methodological principles as the specific idealizations.

Ключевые слова: научный принцип, наука, познавательный акт, методология, идеализация Key words: scientific principle, science, cognitive act, methodology, idealization

Критерий философского характера исследуемой проблемы предполагает выявление в ней гносеологических аспектов, которые связаны с идеализациями, которые обусловлены научнопрактическими задачами науки. Подобные допущения не обязательно связаны с анализом познавательных способностей субъекта [см. 16]. Вместе с тем, исследование мировоззренческих и методологических проблем гуманитарных наук рассматривается в последнее время с позиции комплексного подхода, при наличии тенденции к междисциплинарной интеграции современной науки. Идеализация, тем не менее, предполагает наличие таких концептуальных средств отражения реальных процессов, которые предполагают многоуровневую репрезентацию в системе научного знания [7:55-56]. Неизбежные ограничения на познавательную деятельность при построении объекта познания обусловлены спецификой методологического инструментария [4:12] при наличии финитной установки исходных положений. Последняя, по Фихте как «возможность возвращения к своему основоположению» [12:38] в процессе познания обусловлена предпосылочностью фундаментальных представлений в самом эмпирически познаваемом факте. Однако, в отличие от субъективно-идеалистического предположения Фихте [12:38], нам представляется, что в познавательном акте одновременно конструируется и субъект, и объект деятельности. Обоснование деятельностного подхода к познанию мы обнаруживаем в трудах Шеллинга, который писал, что «философствовать о природе – значит творить природу...» [9:84]. В отличие от познания как процесса и деятельности, - знание как форма, отражающая целостность природы понималась им как «остановленный в своем движении поток причин и действий» [14:91]. Способность субъекта к переходу от созерцания к познавательной деятельности посредством понятийного мышления определяется возможностью «человеческого разума ... «перехитрить» визуальные образы с помощью абстрактных понятий и ... продуцировать новые образы» [10:67]. Если в качестве объекта рефлексии сделать акты созерцания, то возникает образ [9:69]. Последний является формой синтеза категориальных форм, приобретающую внутреннюю согласованность. Примером такого синтеза выступает картина мира, то есть построение картины мира идеализированным субъектом, осуществляется на основе аксиоматизации, которая «учит нас... находить общие идеи, скрывающиеся за деталями...» [1:248]. «Общие идеи» представляют для нас такие формализованные процедуры, при помощи которых выявляется взаимосвязь между «разобщенными» положениями. И если философ «продуцирует» идеи, то ученый-математик, к примеру, «продуцирует» символы идей, которые ещё необходимо осмыслить как образы идей. В попытке такого осмысления содержится весь научный плюрализм содержательных интерпретаций, под которые как «вне-содержательные смысловые структуры» [6:49] может быть подведена всякая реальность. Здесь философы усматривают диалектическое противоречие между содержательным и формальным знанием, которое со времён Сократа превратилось в открытый в бесконечность свободный диалог [8:18]. Действительно, весь процесс познания содержит с необходимостью постоянную интенцию к кумулятивному обновлению науки. Вместе с тем, понимание природы основано на способности субъекта к такому вмешательству, при котором природа действует в определённых условиях. Таким образом, деятельное познание предполагает «создание явлений», потому «мы знаем только то, что производим сами» [14:91]. Однако эмпиризм, при наличии частностей, уводит нас от постижения целого, становится неадекватным и создает условия для «спекулятивных положений» натурфилософии, которая «мыслит свой предмет не как объект, а как субъект» [8:24]. Такое противоречие, присущее теоретизму природы обусловлено спецификой нашего мышления, в котором предметы представляются как нечто всеобщее, тогда как «вещи в действительности единичны» [2:10]. Целостность и априорность природы разрешается задачей натурфилософии путем «дедуцирования всех явлений природы [из принципа] ... совпадающих с конструкцией самой природы» [9:93-94]. Без понимания этого философское рассмотрение природы приводит к элиминированности отношения исследуемых объектов к чувственности человека: «Философское рассмотрение... должно включать в себя выявление необходимых законов развития науки» [9:93-94]. В данной связи, О. Конт указывает на необходимость принципов в науке, без которых «явления остались бы незамеченными» [5:6], поскольку опытные факты сами по себе бесполезны для теоретика, так как невозможно «ничего предпринять с отдельными эмпирическими установленными общими закономерностями» [15:15].

Стремление ученого произвести соединение опыта и умозрительного спекулятивного знания, как правило, воплощается в попытках обосновать взаимосвязь результатов, полученных в результате эмпирических и теоретических исследований, в рамках систематического единства. Аналогичным образом, философ, выдвигая идею целого перед частным научным знанием, отыскивает в элементах знания нечто общее. Но, с позиции кумулятивизма целое перестает быть целью и трансформируется в форму опыта, выражая некую реальность. Таким образом, происходит корректировка различных принципов, задающих картину мира, но в тех же «понятиях ... которые нам предлагает традиция» [3:226]. Именно традиция, как начало, выступает основанием достоверности прогресса философии, обнаруживая себя при выборе научного метода с позиции единства методологических средств. Здесь функция философии реализуется в придании конкретным наукам смысла их деятельности с позиции рефлексии о взаимосвязи между предметом исследования и объектами. При этом возникает, так называемая, исследовательская программа с актуальной новизной интерпретации имеющегося развивающегося знания. Таким образом, объединяющим принципом для всех ступеней эпистемологии научного знания является принцип его абсолютной объективности, согласно которому научные теории и другие формы знания являются «обитателями» особого «платонистского» мира, лишь «открываемого» исследователем так, как географ открывает новый материк. В данном случае теория суть вторичное образование, представляющее собой систематизацию и обобщение фактов, позволяющая получать эмпирические зависимости как следствие из неких постулатов. Но здесь субъект является только «исследователем», а субъективное рассматривается как синоним неполного, ощибочного, одностороннего. Поэтому философская рефлексия «историзма» научного знания неизбежно основывается на отрицании закономерного характера его развития; «рост научного знания» совершается «методом проб и ошибок»; история науки лишь убеждает «исследователя» в правомерности правила: «все позволено», или «делай, что хочешь» [11:59-60]. В данной связи отмечается несостоятельность науки осуществить деятельность самопознания, несмотря на попытки такой саморефлексии. Поэтому количество научных принципов, несущих на себе отпечаток сознательной познавательной деятельности, в системе экстенсиональных абстракций должно быть минимальным, выполняя требование «сведения наличного состава знания к минимальному числу общих основоположений [см.5]. Единодушно по этому поводу высказывается Ф. Франк: «Если нет небольшого числа принципов..., то нет и науки» [13:110]. Действительно, установление эксплицитной взаимосвязи между понятиями и номологическими высказываниями теории и позволяет нам отметить тот минимум исходных утверждений, которые мы принимаем без вывода. Таким образом, картина мира, понимаемая в широком смысле слова как наиболее обобщённые, важные и существенные представления о мире, взятые с точки зрения стиля научного мышления конкретно-исторической эпохи, с необходимостью должна сочетать черты абстрактного и конкретного: стать предметом логического конструирования. Логическая и когнитивная функция принципа наглядно демонстрируется в процессе познания на примере постулатов, которые по данному основанию и отличаются от исходных принципов.

Список литературы References

- 1. Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М., 1963. С. 248. Bourbaki N. Essays on the history of mathematics. – M., 1963. – P. 248.
- 2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. M., 1975. Т. 2. 695 с. Hegel G. W. F. encyclopedia of philosophical Sciences. – M., 1975. – T. 2. – 695 p.

3. Гейзенберг В. Шаги за горизонт [сборник]: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 366.

Heisenberg V. Steps beyond the horizon [collection]: Per. with it. / Total. ed. and introd. article N. F. Ovchinnikov. – M.: Progress, 1987. – S. 366.

4. Йолон П. Ф. Методологическое сознание и методологическое знание // Методологическое сознание в современной науке. – Киев, 1989. – С. 12–34.

Jolon P. F. Methodological consciousness and methodological knowledge // Methodological consciousness in modern science. – Kiev, 1989. – Pp. 12-34.

5. Конт О. Курс положительной философии. В двух т. Т. 1. – СПб, 1899. – С. 6.

Kont O. Kurs of positive philosophy. Two T. T. 1. – SPb, 1899. – S. 6.

- 6. Лосев А.Ф. Диалектические основы математики//Лосев А.Ф. Хаос и Структура. М., 1997. С. 49. Losev A. F. the Dialectical foundations of mathematics//Losev A. F. Chaos and Structure. М., 1997. Р. 49.
- 7. Мануйлов В. Т. Конструктивность в аксиоматических теориях множеств// Проблема конструктивности научного и философского знания: Выпуск третий. Курск, 2004. С.53–84.

Manuilov V. T. Constructiveness in axiomatic theories of sets// the Problem of constructive scientific and philosophical knowledge: third Edition. – Kursk, 2004. – S. 53–84.

8. Мороз В. В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: МГУ, 2005. – С. 21.

Moroz V. V. Philosophical-mathematical synthesis: experience of historical and methodological reflection. – M.: MGU, 2005. – P.21.

9. Огурцов А. П. От натурфилософии к теории науки. – М., 1995. – 318 с.

Ogurtsov, A. P. From natural philosophy to the theory of science. – M., 1995. – 318 p

- 10. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985. 349 с.
- G. Reichenbach the Philosophy of space and time. M., 1985. 349 p.
- 11. Фейербах Л. Основы философии будущего // Фейербах Л. Основы философии будущего. Предварительные тезисы к реформе философии. Фрагменты к характеристике моей философской биографии. М., 1936. С. 59-60.

Feuerbach, L. philosophy of the future // Feuerbach, L. philosophy of the future. Preliminary theses for reform in philosophy. Fragments to the characterization of my philosophical biography. – M., 1936. – S. 59-60.

12. Фихте И. Г. Соч.: в 2 тт. – Спб., 1993. – Т. 1. – С. 38.

Fichte I. G. Vol.: 2 vols., St. Petersburg., 1993. – Vol. 1. – P. 38.

13. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией / Пер. с англ. И.В. Воробьева. Общ. ред. и вступ. статья Г.А. Курсанова. – М.: И.Л, 1960. – 543 с.

Frank F. Philosophy of science. The link between science and philosophy / Ed. from English. I. V. Vorobyov. Common. ed. and introd. article by G. A. Kursanov. – M.: IL, 1960. – 543 p.

14. Шеллинг Ф. В. И. Соч. – Т. 1. – С. 91.

Schelling, F. V. I. Soch. - Vol. 1. - S. 91.

15. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. / Пер., под ред. И. Е. Тамма и др. – Т.4. – М.: Наука, 1967. – 599.

Einstein A. Collection of scientific works: in 4 vol. / Ed., ed. by I. E. Tamm and others. – V. 4. – M.: Nauka, 1967. – 599.

16. Popper K. R. The open universe. An argument for indeterminism. – Totowa, 1982.